

Андрей Сергеевич Вязигин

# Григорий VII. Его жизнь и общественная деятельность



**Андрей Сергеевич Вязигин**  
**Григорий VII. Его жизнь и**  
**общественная деятельность**  
**Серия «Жизнь замечательных людей»**

*предоставлено правообладателем*  
*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=175645](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=175645)*

**Аннотация**

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф.Ф.Павленковым (1839-1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

# Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| Введение                          | 6  |
| Глава I. Различные веяния         | 11 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 23 |

**А. С. Вязигин**  
**Григорий VII**

**Его жизнь и общественная  
деятельность**

**Биографический очерк**  
***С портретом Григория***  
***VII, гравированным***  
***в Лейпциге Геданом***



*Гильдебранд (Григорий VII)*

# Введение

Десятый век представляет собой одну из самых мрачных страниц истории человечества: дикая разнузданность, утонченный разврат, кровавые преступления, насилия и жестокости, повальное невежество были тогда явлениями заурядными. Мерило общественной нравственности, духовенство не отставало от мирян: пастыри гордились друг перед другом своими собаками, соколами, быстрыми скакунами, красивыми любовницами; думали только о вкусной еде, прекрасных винах и других житейских прелестях. Едва умея читать, но совершенно не понимая прочитанного, они нисколько не заботились о духовных нуждах прихожан, прямо развращали их своим пагубным примером, а наглым попранием брачных уз разрушали семейное счастье мирян и нередко имели детей от своих духовных дочерей; они водили воинов в бой, обогрели руки кровью, предавались игре в кости, охоте, пьянству и беспутству. Монахи не представляли исключения: они бродили по городам и селам, не придавая никакого значения своим обетам, собирали деньги; на них покупали вкусные напитки и продажных женщин: сладострастие, обжорство, пьянство и лень были их единственными добродетелями. Но верх безобразий творился в Риме: здесь одно время знатные, замечательно красивые, но неслыханно распутные женщины возводили на папский престол своих любовников,

сыновей, прижитых в разврате, родственников, потакавших их не знавшему удержу разгулу. Один из таких пап, Иоанн XII (955 – 963), превратил Латеран в настоящий вертеп разврата; он завел целый гарем и не останавливался даже перед кровосмешением. Кошунство его не знало границ: он посвящал в епископы мальчиков и эти церковные обряды производил в лошадиных стойлах; во время попок пил за здоровье дьявола; играя в кости, взывал о помощи к Юпитеру, Венере и другим языческим богам; любовницам дарил церковные сосуды; богомолк бесчестил у самой гробницы апостолов, храм которых ежеминутно грозил разрушиться, так как его не поправляли уже много лет; лиц, чем-либо вызвавших его неудовольствие, осклапывал или выкалывал им глаза. Охотился, дрался, поджигал, убивал, нарушал клятвы, но никогда не крестился и не посещал богослужений.

Но наряду с такими признаками разложения и упадка заметно было кое-где новое течение: общее поверье указывало на тысячный год как на предельную пору, когда неминуемо последует кончина мира. И вот в среде немногих благочестивых людей зарождается стремление подготовить себя и других к “доброму ответу на страшном судилище христовом”. Там и сям появлялись обители со строгим уставом, раздавались вдохновенные проповеди против господства грубой силы и зла в мире. С течением времени эти обители приобрели столько последователей, что в их стенах окрепла мысль об общем преобразовании погрязшего в гре-

хах человечества и возвращении церкви к ее первоначальной простоте и чистоте. Иноки клюнийского монастыря (основан в 910 году) стали во главе этого движения и выработали даже программу реформы; их монашеское мирозерцание отчетливо проявилось в ней в стремлении отделить церковь от мира: клюнийцы требовали введения запрета на браки духовенства и уничтожения симонии – в этих двух явлениях они усматривали корень зла, разъедавшего церковь и общество. В их глазах браки крепчайшими путами связывали духовенство с миром и оскорбляли, вместе с тем, религиозное чувство многих; по понятиям ревнителей благочестия, “пастырь должен стоять выше паствы, а живя в браке, он всенародно признается, что и его обуревают греховные страсти и желания; устами, на коих не остыли жгучие лобзания, он взывает к Богу, проповедует целомудрие и воздержание; руками, оскверненными сладострастным прикосновением к женским прелестям, совершает таинства, раздает благословения”. Строгие отшельники не могли примириться с подобным положением дел. Заклейменная же апостолами симония, то есть приобретение духовных санов за деньги, делала церковные должности достоянием лиц недостойных, стремившихся только к возврату затраченного да возможно скорой наживе.

Но для осуществления такого исполинского замысла, как коренное преобразование христианской Европы, сил одного монашеского братства, конечно, было недостаточно. Созна-



вая прекрасно свою слабость, оно обратилось за содействием к светской власти, главным образом к ее могущественному представителю, германскому королю, и молило его взять в свои мощные руки трудное дело преобразований, так как, по воззрениям той отдаленной поры, императоры считались верховными покровителями и защитниками церкви. Отдавая дань духу времени, Оттон Великий (936 – 973) откликнулся на зов, осудил и низложил (963) чудовище, позорившее мир под именем папы Иоанна XII, и возложил на свою главу корону Священной Римской империи. С этих пор дело церковных преобразований хотя медленно, но верно подвигалось вперед. Но стоило императорству, занятому борьбой с непокорными вассалами, на мгновение упустить из виду Рим, как там опять повторялись ужасные времена Иоанна XII. Поэтому в средневековом обществе к середине XI века назрело желание найти другой способ искоренения зла и быстрее провести преобразования. Новый исход был указан Гильдебрандом, или знаменитым папой Григорием VII, выдвинувшим на первый план идею бесконечного превосходства духовной власти над светской. Эта идея уже давно носилась в воздухе: как плод христианских воззрений на отношение между духом и плотью она складывается, более или менее определенно, уже в первые века христианства, развивается в сочинениях Златоуста, Амвросия, Августина, проводится в письмах пап Геласия, Николая I, Григория I, Сильвестра II и многих других. Но никто из них не пробовал сделать

ее краеугольным камнем всего мирового порядка, всех земных отношений с такой неслыханной настойчивостью, как Григорий VII, посвятивший этому делу всю свою многотрудную и обильную превратностями жизнь.

# Глава I. Различные веяния

*Воспитание Гильдебранда; влияние клюнийских воззрений и преданий прошлого. – Участие в церковных смутах; германский плен и обаяние Генриха III. – Жизнь в Клуни и ее значение; возвращение в Рим и начало деятельности под руководством и надзором пап Льва IX и Виктора II*

Густой туман грубой лжи и намеренных искажений скрывает от глаз потомства первые годы жизни Григория VII, так что сквозь завесу, сотканную слепой злобой и неумеренной преданностью, сквозят лишь немногие очертания; все остальное подернуто непроглядным мраком.

Так, с надлежащей точностью нет возможности установить даже год рождения гениального папы: на основании спорных данных и шатких догадок приходится искать его между 1013 – 1024 годами. Равным образом показания источников не сходятся в определении места его рождения, колеблясь между Римом и тосканским городком Соаной. Даже в вопросе об общественном положении его родителей существует изумительное разногласие: враги стараются как бы унижить Григория, считая его отца козопасом, а друзья, как бы возвышая своего героя, или дают ему в отцы плотника, наподобие св. Иосифа, или стараются доказать его родство со знатным графским родом, владевшим Соаной. Но незнат-

ное происхождение не может повредить репутации человека, обязанного своим возвышением собственному гению, оно показывает только, что он сам добился того, что другим достается в силу случайности рождения, а потому усилия не в меру рьяных сторонников становятся излишними, так как не прибавляют ничего к венцу, украшающему голову великого мужа. Больше данных на стороне их противников, достоверность показаний которых подтверждается лицами близкими и расположенными к Григорию. Несомненно, что он происходил из низшего слоя тогдашнего общества и родился в Соанском округе, пограничном с Тосканой, в местечке Раваок, от поселянина Боницо; имя матери неизвестно. Ребенок получил при крещении имя Гильдебранда.

Со времени Карла Великого Соана принадлежала к церковной области и находилась в тесных сношениях с Римом. Немудрено поэтому, что родители, заметив в своем сыне зародыши великих дарований, решили дать ему воспитание в вечном городе, где к тому же имели родственников, занимавших довольно видные должности. Один из них — дядя по матери — был аббатом монастыря св. Марии, расположенного на склоне Авентинского холма. К этому-то дяде и отправили для воспитания молодого Гильдебранда.

Монастырь св. Марии находился в теснейших связях со знаменитым Клуни и служил одним из важнейших очагов преобразовательного движения, являясь в то же время и расадником просвещения. Само собой понятно, что оно носи-

ло своеобразный отпечаток и было направлено на развитие в молодых питомцах самообуздания, вражды к церковным нестроениям<sup>1</sup>, стремления к созерцательной жизни и мистицизма. Все эти черты заметны и в характере Гильдебранда, но было бы величайшей ошибкой приписывать им преобладающее значение. В нем сказывались и чисто местные условия: итальянское происхождение читалось уже в смуглом цвете лица, выразительных глазах, но еще сильнее было заметно в душевных свойствах – восприимчивости, некоторой страстности и крайней набожности. От природы Гильдебранд имел склонность к широкой деятельности, и его живая, огненная натура не могла удовлетвориться замкнутым существованием в тесной монастырской келье.

Она звала его в широкий вольный мир, где кипела жизнь и борьба, где можно было приобрести и славу, и честь. Вдобавок различные веяния способствовали раннему пробуждению дремавших способностей и страстей: в той же самой обители получали образование дети многих римских вельмож, и с ними Гильдебранда связали близкие и дружественные отношения. Эта близость, конечно, еще сильнее подогревала честолюбие даровитого юноши. В том же смысле, правда, более ощутимо, воздействовало на Гильдебранда и другое обстоятельство: в аббатстве св. Марии Гильдебранд столкнулся с некоторыми лицами, воззрения которых глубоко запечатлелись в его восприимчивой душе, – с Иоан-

---

<sup>1</sup> неустройство дел, беспорядок (словарь В. Даля).

ном Грацианом и Лаврентием, епископом Амальфи. Оба они насквозь проникнуты были клюнийскими идеалами и своим живым примером производили могущественное, неотразимое впечатление на молодого воспитанника. Особенно влияние Лаврентия. Он принадлежал к числу ученых людей своего времени, знал в совершенстве латинский и греческий языки, обладал замечательным красноречием, был одним из ближайших друзей св. Одилона, аббата клюнийского, учился у знаменитого Герберта, известного папы Сильвестра II (999 – 1003), проникнутого глубочайшим уважением к древности, ревностного поборника величия Рима и папства, проповедника религиозной терпимости. Все свойства учителя передались и его ученику – епископу Амальфи. Рассказы этого бывалого и много испытавшего человека о великом прошлом, о мировом значении вечного города поражали своим противоречием с жалкой действительностью: из окон своего монастыря Гильдебранд видел груды развалин – немое, но непреложное свидетельство блеска в минувшем и упадка в настоящем. Не менее глубоко западали в молодую душу воспоминания Лаврентия о кратковременном возвышении папства на миродержавную высоту, благодаря союзу с Оттонами, о пышности и величии, окружавших двор Оттона III (996 – 1002) и его воспитателя Сильвестра II, ставившего папство неизмеримо выше всех сил земных. Гильдебранд с жадностью слушал престарелого епископа, увлекался идеями прежнего республиканского времени,

проникался стремлением к восстановлению упавшего значения пап, но ясный, практический ум предохранил его от страсти к рабскому подражанию отжившей древности. Терпимость Герберта и его ученика также не была чужда Гельдебранду: он не гнушался связей с евреями и впоследствии громко заявлял, что исповедует того же Бога, что и мусульмане, — мысль смелая для римского папы XI столетия. С другой стороны, он не обрушивался на греческую церковь с громами и проклятиями, не осуждал ее огульно, а признавал, что все различие сводится к вопросам внешним, обрядовым. Тот же свободный от вековой косности полет ума заставлял Гильдебранда сочувственно относиться к учению Беренгара о причастии, довольно близкому к взглядам современных нам протестантов.

Что же касается Иоанна Грациана, то он пользовался очень большим уважением в среде римлян за свое благочестие, набожность, рвение к церковным преобразованиям и устранению вопиющих злоупотреблений. Но в то же время Иоанн усвоил себе известное правило: “цель оправдывает средства”, и в этом отношении Гильдебранд был его усерднейшим учеником и последователем. Он еще в молодые свои годы понял, что с одними воздыханиями, обличениями да воззваниями к исправлению далеко не уйдешь, что необходимы более осязаемые, а потому и более действенные средства, что для достижения успеха надо ловить удобное мгновение и не брезговать ничем: главными двигателями всегда

были меч и золото.

Но, щедро снабдив духовными дарами и опытными руководителями, судьба обделила Гильдебранда внешностью, и это, можно сказать, определило его дальнейшую участь: в то время человеку незнатному можно было выйти в люди либо путем военной известности, либо вступлением в духовное звание. Как выходец из народа, Гильдебранд не смел рассчитывать на блестящую удачу на мирском поприще, тем более что маленький рост, плохое телосложение, неприглядная осанка закрывали для него военную дорогу, а потому оставался один исход – стать в ряды духовенства. Не без тяжелой внутренней борьбы сделал Гильдебранд этот решительный шаг, приняв пострижение с большой неохотой, как говаривал неоднократно своим близким и открыто указывал перед лицом всего мира. Этот поступок, доказывая полную способность к самообузданию, еще теснее сблизил его с прежними наставниками. Оказалось, что кружок, среди которого вращался Гильдебранд, вынашивал в монастырской тиши широкие замыслы, и теперь молодого монаха посвятили в них. В осуществлении этих мечтаний не последнее место занимало приобретение денег и войска, могущество которых прекрасно понимали все. Теперь они имели и то, и другое: Иоанн Грациан, к которому прибегали обыкновенно богомольцы, руководимые общим уважением к его святой жизни, и которому щедро оплачивали совершаемые им молебны, доставил деньги, Гильдебранд – войско: он нанял воинов



и стал во главе их, скрывая рысу под великолепным вооружением.

Вскоре обнаружилось, как обширны и основательны были замыслы кружка. В то время на папском престоле сидел вступивший на него десятилетним мальчиком Бенедикт IX (1033 – 1046). Уже в такие молодые годы он запятнал себя всевозможными пороками, гнуснейшими убийствами, отвратительным сладострастием. Опять латеранский дворец превратился в притон дикого разгула, беспутства и разврата. Не довольствуясь доходами наместника апостолов, Бенедикт для пополнения своего кошелька не гнушался открытым разбоем: с шайкой буйных сорванцов из римской молодежи он грабил на больших дорогах богомольцев, шедших со всех концов Европы на поклонение святыням вечного города. Правда, безумства и насилия вооружили против Бенедикта часть римлян, избравших было нового папу, но Бенедикт смирил соперника, выгнал его из Рима и продолжал вести прежнюю распутную жизнь. Считая, что ему все позволено, он задумал даже жениться на прелестной дочери одного римского барона, но встретил отпор со стороны отца своей возлюбленной, который потребовал предварительного отречения от сана римского первосвященника. Бешеная страсть не вполне ослепила Бенедикта: он не хотел, оставив тиару, оказаться с пустыми руками, а потому решился на неслыханную сделку – продать папский престол с молотка. Покупатели нашлись, и победа осталась за приятелем Гильдебран-

да, Грацианом, принявшим имя Григория VI. Новый папа назначил Гильдебранда своим капелланом и с его помощью попробовал приступить к преобразованиям. Ключийцы торжествовали, видя человека своей партии во главе христианской церкви. Но торжество это было неполно и кратковременно: Бенедикт, получив 1500 фунтов серебра и удержав за собой доходы, получаемые папой с Англии, вскоре раскаялся в своем опрометчивом поступке и захотел вернуть все, так как его сватовство потерпело решительную неудачу: несмотря на все усилия и принесенные жертвы, прельстившая его сердце красавица досталась другому, более счастливому соискателю. Тогда отверженный жених снова провозгласил себя папой и без особенных усилий нашел себе приверженцев, поскольку принадлежал к влиятельному римскому дворянству. Таким образом, на престоле св. Петра одновременно восседали три наместника и, к величайшему соблазну верующих, обменивались громоносными посланиями, где смешивали с грязью соперников, возводя на них всевозможные обвинения. Чаша терпения даже римлян, столь привыкших к безобразиям пап, переполнилась, и многие из них готовы были на все, чтоб прекратить неслыханный до того скандал. Но собственными силами они не могли помочь горю; взоры их невольно обратились за Альпы, в Германию, где королевский престол занимал Генрих III (1039 – 1056), могущественный властелин, пред которым дрожали и преклонялись враги, воспитанник ключийцев, уже дав-

но мечтавший о совершении в церкви необходимых преобразований. Неудивительно, что римляне обратились к нему за помощью, а он изъявил полнейшую готовность положить конец позорному соблазну. С громадным войском вступил Генрих в Италию. Никто и не думал о сопротивлении: города с восторгом встречали своего государя; сторонники пап засели по крепким замкам и с тревогой взирали на грозное будущее. Но немецкий король оказался умеренным реформатором: он добился только низложения пап на Сутрийском соборе (1046) и принял предложенный признательными римлянами сан патриция, дававший ему наследственное право назначать Апостольских преемников. Новый папа, родом немец, Климент II (1046 – 1047) короновал Генриха императорской короной. Таким образом, раскол прекратился благодаря вмешательству светской власти. Однако никто не мог поручиться, что Рим останется спокойным после удаления императора; больше всего опасений вызывал низложенный Григорий VI и его кружок, имевший свою казну и войско. Генрих, как глубокий и тонкий знаток людей, разгадал в маленьком и невзрачном монахе Гильдебранде великую душу, пронизательный ум, громадное властолюбие и железную волю. Эти качества делали опасным для императора дальнейшее пребывание Гильдебранда в вечном городе, и Генрих взял его с собой вместе с низложенным другом. Раз обратив на себя внимание императора и его супруги, Гильдебранд завоевал их расположение и всегда вспоминал о них

с величайшей признательностью. Да и было за что: германский двор в ту пору являлся средоточием Европы; здесь решались все вопросы времени; отсюда веское слово императора вершило суд над государями, а мощная длань смиряла дерзких и непокорных. Одним словом, здесь жила и до некоторой степени воплощалась столь свойственная средним векам идея всесветной державы, осуществлению которой Генрих III посвятил себя и свои силы. Пребывание при таком дворе было великолепной школой, своего рода университетом для всякого государственного человека, тем более для гениального Гильдебранда: сложный государственный механизм открылся пытливому оку наблюдательного пленника; здесь он научился трудному искусству властвовать и повелевать людьми, выбирать лучших помощников, скорые пути и удобные средства для владычества над миром; здесь должно было окрепнуть в его душе стремление возродить мировое значение вечного города и папства, ибо своим зорким глазом он разглядел все темные и светлые стороны императорства, его силу, его слабые места, основы могущества, и пришел к убеждению, что величавое здание, над созиданием которого трудился Генрих, было построено на песке, так как при тогдашнем положении дел только мирообъемлющее господство церкви не вызвало бы противодействия, потому что более отвечало духу времени.

Пополняя пробелы в знаниях, необходимых для общественного деятеля, Гильдебранд не пренебрегал и другими

занятиями: он сам впоследствии писал, что в Кельне “был воспитан в строгой дисциплине”, то есть расширил свои познания в области светских и духовных наук. Справедливости ради нужно, однако, сознаться, что эти познания не отличались особенной глубиной и Григорий VII всегда был плохим ученым и богословом.

Пребывание при императорском дворе длилось недолго: Григорий VI вскоре умер (около 1048 года), а Гильдебранда охватила мучительная тоска по родине, скорбь по утраченному другу и сознание, что при жизни Генриха III нечего и думать о проведении в жизнь своих мечтаний. В тесной монастырской келье хотел он похоронить свои надежды и упования и загладить пред небом прегрешения, содеянные для их осуществления. С этой целью он выпросил у императора позволение отправиться в Клуни. Здесь благодаря беседам с благочестивыми старцами в душе Гильдебранда возшли семена отречения, презрения к миру и его соблазнам, сознания тщеты его радостей, созрело намеренье посвятить свои дни аскетическим упражнениям и созерцательной жизни. Так прошло сколько-то времени. Но внутренний голос шептал Гильдебранду, что он хоронит силы, предназначенные для великой цели, для борьбы и победы над царившим в мире злом. Что пользы, думал он в бессонные ночи, спастись одному, когда кругом все созидает себе своими заблуждениями вечную гибель. Лучше одному погибнуть, но спасти всех, всюду победить грехи и страсти и тем самым водво-

ритель на земле обетованное царство Божье. Учение о непротавлении злу претило всему душевному складу Гильдебранда, которого пожирала жажда деятельности на общую пользу. А тут еще – обусловленные нервной, не в меру впечатлительной природой и слабостью тела, изнуренного подвижническими упражнениями, – чудесные знамения указывали на него как на небесного избранника: по единогласному свидетельству друзей и врагов, искры сыпались по временам из его одежды, огненное сияние окружало голову, вещие сны сулили господство над миром; сам апостол Петр неоднократно являлся ему и предрекал необычайное торжество, несслыханный успех. Друзья и сторонники верили в святость и божественное происхождение этих предзнаменований и высоко ставили Гильдебранда как человека, на котором явно почивает благодать Божья. Зато враги объясняли все чудеса магией, знакомством с нечистыми духами, унаследованным от Герберта, – обвинение, тяготевшее над всеми лучшими и свободными умами средних веков.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.